

Херсонский Иван Борисович

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Психология

Магистерская программа: Общая психология и история психологии

**Предпосылки зарождения психологии как науки в первые годы
советской власти**

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы зарождения отечественной психологии как науки в первые годы советской власти, проанализированы предпосылки становления науки «Психология», рассмотрены научные дисциплины психоневрологического сектора, отношение западной научной психологической школы к стремительному развитию отечественной психологии.

Ключевые слова: психология, советская власть, психоневрологические дисциплины, психоанализ.

Актуальность исследования. Психология берет свое начало в глубине тысячелетий. Термин «психология» (от греч. psyche – душа, logos- учение, наука) означает «учение о душе». Психологическое знание исторически развивалось – одни представления сменялись другими.

Изучение истории психологии, конечно, не может сводиться к простому перечислению проблем, идей и представлений различных психологических школ. Для того чтобы разобраться в них, нужно уяснить их внутреннюю связь, единую логику становления психологии как науки.

Становление отечественной психологии как науки совпало с приходом к власти большевиков.

Кардинальные изменения, произошедшие в социальной структуре общества с приходом к власти большевиков, взметнули на самый верх социальной лестницы тех, кто до тех пор был обречен в лучшем случае эту

лестницу поддерживать, пока по ней поднимались вверх немногие избранные. Так, например, вчерашние выпускники университетов, зачисленные туда в рамках процентной нормы для евреев, в одночасье становятся руководителями отечественной науки и активными соискателями все более высоких должностей и званий в советской академической иерархии (например, Л.С. Выготский А.Р. Лурия).

Конечно, большевики создавали условия развития новой науки не из-за большой к ней любви. Для новой власти психология являлась одним из важнейших рычагов модернизации и преобразования всего народного хозяйства. Кроме того, весьма актуальным был вопрос о признании СССР за рубежом, и здесь трудно переоценить ту роль, которую играли в процессе укрепления его международной репутации известные деятели науки и культуры, примкнувшие к грандиозному большевистскому эксперименту по преобразованию человека и общества (в этом отношении очень характерен пример поразительной уступчивости и покладистости большевиков, сумевших убедить остаться в стране и склонить к сотрудничеству нобелевского лауреата И.П. Павлова, никогда не скрывавшего своей неприязни к новой власти).

Ресурсы, предоставленные новой властью советским ученым на развалинах старого мира, были весьма значительны, впрочем, и претендентов на свою долю в научном секторе бюджета страны было предостаточно. Все это привело к тому, что именно в послереволюционные годы, как грибы после дождя, возникают новые научные направления, объединения и исследовательские программы [7, с. 106–124]. Таким образом, в первые годы советской власти бурно развиваются также научные дисциплины, условно говоря, психоневрологического сектора, такие как педология (комплексная наука о детстве и развитии ребенка), психотехника (инженерная психология и психология труда, изучающие роль человеческого фактора в разных областях человеческой деятельности с целью ее рационализации), психогигиена (наука об укреплении нервно-психического здоровья, предупреждении и борьбе с нервно-психическими заболеваниями, а также соответствующая теория и

практика оздоровительных мероприятий), психотерапия (планомерное пользование психических средств для лечения различных болезней и научная область, изучающая закономерности такого лечения), рефлексология (теория В.М. Бехтерева) и учение о высшей нервной деятельности (теория И.П. Павлова), психоанализ. Тогда же появляются новые амбициозные научные направления – дефектология (психология аномального развития и коррекционная педагогика) и реактология (поведенческая наука о системах реакций), отчасти схожие по механизмам самоутверждения с такими образованиями за пределами психоневрологического комплекса дисциплин, как мичуринская агробиология (Лысенко, 1943) или яфетидология (Март, 1933; Мещанинов, 1929). С 1928 г. начали выходить новые научные журналы, такие как «Психотехника и психофизиология труда» (с 1932 года – «Советская психотехника»), «Психология» и «Педология».

Развитие всех этих отраслей и направлений поддерживалось созданием многочисленных научных сообществ и исследовательских институтов, общее число которых по стране, согласно официальной статистике, выросло с 289 в 1914 году до 1263 в 1929-м [4, с. 154–157].

В результате этих преобразований и к величайшему удивлению Запада, в Советском Союзе в предельно сжатые сроки возникает множество направлений и школ, представляющих науки о человеке.

Первое официальное признание достижений советской психологии состоялось в 1929 году – на IX Психологическом конгрессе в Йельском университете делегация от СССР была третьей по величине из неамериканских делегаций (после Великобритании и Германии). Крупнейшие международные конференции по психотехнике (VII International Congress of Applied Psychology, or Psychotechnics, 1931) и физиологии (XV International Physiological Congress, Ленинград-Москва, 1935) [4, с. 154–157], прошедшие в 1930-е годы в Москве и Ленинграде, лишь закрепили успех отечественных психоневрологических наук [2, с. 89–86]. Международный статус русской и советской психоневрологии на конец 1920-х годов отражен в классической книге А.

Боринга «History of Experimental Psychology», в которой из всех русских авторов были кратко упомянуты лишь И.П. Павлов и В.М. Бехтерев (Boring, 1929). Однако уже год спустя в энциклопедическом издании «Психология в 30-м году» (Psychologies of, 1930) Мерчисона впервые появляется раздел «Русская психология» (Russian psychologies), включающий три главы, посвященный теории высшей нервной деятельности И.П. Павлова, рефлексологии В.М. Бехтерева и «диалектико-материалистической психологии» К.Н. Корнилова (Kornilov, 1930; Pavlov, 1930; Schniermann, 1930). Последовавший интерес к советской психологии не ограничивается изданием Мерчисона: в конце 1920–1930-х годов выходит целый ряд журнальных публикаций на иностранных языках (чаще всего на английском, реже – на немецком и французском языках) таких советских психоневрологов, как Лурия, Шнирман, Боровский, Кравков, Узнадзе, Выготский, Блонский, Богословский, К.И. Платонов, Левит, Канаев и другие (Ясницкий, в печати). Интерес к советской психоневрологии был настолько велик, что ряд американских специалистов в 1930-е годы посетили СССР с тем, чтобы ознакомиться с положением дел в области психоневрологических дисциплин и соответствующих им общественных практик. «Несмотря на то что к экспериментальным данным, полученным русскими учеными, следует относиться с осторожностью (по причине искажений, которые вносят в эксперимент чисто политические или экономические факторы), их вклад в науку, в особенности в психологию, следует признать весьма значительным и оригинальным», – писал Р. Мак-Фарланд, обобщая результаты собственных наблюдений, проведенных в 1934 году в СССР (McFarland, 1935). Сходные оценки со стороны других западных наблюдателей касались, в частности, таких областей, как психотехника, психогигиена, дефектология, и педагогика, а также социальная практика организации промышленности, здравоохранения и системы народного образования (Berman, 1939; Dewey, 1928/1984, 1929/1990; Schultz & McFarland, 1935; Viteles, 1938; Williams, 1934a, 1934b; Zacharoff, 1931).

Двадцатые годы без преувеличения можно назвать расцветом отечественной психологии. Именно тогда в науке зазвучали имена представителей новой плеяды молодых ученых, составивших впоследствии цвет отечественной психологии и родственных ей дисциплин. Это такие будущие классики отечественной науки как А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, Н.А. Бернштейн, С.Л. Рубинштейн, С.Г. Геллерштейн, В.М. Мясищев, М.С. Лебединский, А.Н. Леонтьев, Л.В. Занков и И.М. Соловьев, Б.В. Зейгарник и Г.В. Биренбаум, П.Я. Гальперин, Ф.В. Бассин, Д.Б. Эльконин и многие другие исследователи, вдохновленные идеями построения новой науки о человеке, ее решающей роли в переустройстве мира. Одной из ведущих задач переживаемой эпохи представлялась «переплавка человека», создание нового вида людей, которые овладеют собственной природой и раскроют ее неизвестные возможности. Тут можно отметить сразу много факторов – и большевистский (и социалистический вообще) политический проект, и авангардно-проективный потенциал, в духе Малевича или поклонников вагнеровского Gesamtkunstwerk. За этой идеей стоял пафос безграничного расширения потенциала личности и ее активного, творческого отношения к миру. Именно поэтому в 1920-е годы на первый план выходит вопрос о специфической природе человека, его сущности, об особых, внеприродных законах его развития, которые не наследуются генетически, но транслируются посредством социума и культуры.

Литература

1. Богданчиков С.А. Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2009. № 2.
2. Богданчиков С.А. Советская психология в мировом историко-психологическом контексте // Психологический журнал. 2010. Т. 27. № 1.
3. Ждан А.Н. Вопросы истории психологии в трудах А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2003. №2.
4. Ждан А.Н. История психологии в социальном и культурном контексте // Вопросы психологии. 2011. №4.

5. Зинченко В.П. Теоретический мир психологии // Вопросы психологии. 2003. № 5.
6. Кольцова В.А. Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Вопросы психологии. 2009. № 2.
7. Марцинковская Т.Д. История психологии // Психология в вузе. 2011. № 3.
8. Сохина В.П. История психологии глазами очевидца // Психология в вузе. 2012. № 3.
9. Чуприкова Н.И. Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. // Вопросы психологии. 2009. № 1.
10. Шикун А.А. Научные школы в отечественной психологии // Прикладная психология и психоанализ. 2009. № 1.

© Бюллетень магистранта 2014 ГОД №2